

Интернационала. Народ же использует необыкновенную энергию большевиков, стараясь перевести ее на свой национальный путь к будущему.

Нужно всегда помнить, что, превратив русский народ в орудие своих экспериментов, большевики согрешили против нашей русской великой цели и наткнулись на упорное национальное сопротивление, которое должно достигнуть высшей своей точки в часы близких испытаний, перед которыми стоит весь мир.

Их высшая стратегия — политика, заключает в себе ошибку, — обстоятельство, бывшее причиной нашего собственного разгрома, с той разницей, что, если мы прозреем, мы можем исправить нашу ошибку, а для большевиков их ошибка непоправима, так как, поправив ее, они перестанут быть большевиками, разрушителями русского великодержавия.

Человеческие законы одинаковы для всех. Наш народ после революции значительно вырос, развиваясь в тяжелых испытаниях, закалился.

Жизнь выбила его из спокойной, тихой заводи благоденствующего и мирного жития и бросила на простор бурного океана. Наш народ нуждается в национальных водителях и услышит наш призыв, если нас и его будут объединять одинаковые великие цели, если мы прозреем. Будем готовы.

20. VI. 39. София.

Д-р М. Бредихин.

Библиография

Д. М. ОДИНЕЦ. «Возникновение государственного строя у восточных славян». 1935. Париж.

Книга проф. Д. М. Одицеа в среде читателей - любителей отечественной истории была встречена с вполне заслуженным интересом. Нового — что было бы неизвестно раньше — в ней, конечно, ничего нет, как об этом уведомляет и сам автор: «Новость в данном случае заключается главным образом в том, что вопрос, который до сих пор в отношении дономанской эпохи затрагивался обычно мимоходом... здесь поставлен в самом центре исследования и к решению его привлечен не отрывочный, а более или менее систематизированный материал».

В условиях библиографической заметки дать даже относительно достаточную оценку труда Д. М. Оди-

ца невозможно, хотя бы потому, что автор для разрешения центральной проблемы привлекает целый ряд вопросов весьма сложных, а по существу своему еще далеко не выясненных в исторической литературе. Скудость сведений о дономанской эпохе бытования восточных славян не позволяла ученым исследователям приходиться к окончательным выводам, т. е. установлению исторического факта, а потому дело ограничивалось обычно построением ряда наукообразных гипотез. Д. М. Одицеа, разрешая поставленную в центре своего труда проблему, далеко не всегда выдерживает строгое различие между историческим фактом и научной гипотезой. Конечно, заманчивость последней, при отсутствии исторического факта, иногда влечет и приводит ее к сближению с самым фактом, — что и бывает нередко в

популярных работах, — но в серьезном научном исследовании такое сближение не желательно, а если все же делается, то должно быть соответственно оговорено. Уже в одном из более ранних отзывов о книге Д. М. Олница вполне правильно отмечено некоторое «неспокойствие духа», каким у автора сопровождается разрешение центрального вопроса; там читаем: «Недостаток же заключается в стремлении автора непременно придти на основании этих данных (археологических и филологических) к совершенно категорическим выводам. Казалось бы именно не специалисту следовало бы сохранить в таких случаях то «спокоествие духа», которое позволяет признать, что тот или иной вопрос при данном уровне наших сведений просто не может быть категорически разрешен». («Послед. Новости», 9. 4. 1937. Статья Юннуса). Внимательный и осведомленный читатель подметит, что означенное «неспокойствие духа» проглядывает в книге не только в отношении данных археологии и лингвистики, но отразилось также на постановке некоторых исторических фактов и в частности особенно на летописной традиции о деятельности первых князей Рюриковичей. Впрочем, о таком субъективном нажиме можно было думать и до прочтения самой книги, если обратить внимание на ее эпиграф. Эпиграф этот есть не что иное как текст из контекста страстных, неумолимых обличений средневековой католической теократии (папа Григорий VIII) происхождения «земных государств». В свободном переводе на русский язык текст гласит следующее: «Всемирно известно, что земные цари получили свое начало от источника содержащего в себе надменность, злое грабительство, вероломство, человекоубийство и, наконец, как изволило видеть, почти всеми злодеяниями в одинаковой

мере добились везде господства...» В смысле недостаточности научно-методологической убедительности остановимся здесь только на постановке автором вопроса об Антах-славянах и «антском военном союзе», выступающем в книге с признаками определенного исторического факта. «Антскому воен. союзу» автор придает исключительное значение в процессе образования государственности у восточных славян, и на этом главным утверждением начинает развиваться концепция книги. Как известно, историческим фактом, в сущности, считается логический вывод, вполне сохраняющий логическое соответствие своему материалу. Читатель в праве поставить вопрос: откуда у автора черпается столь определенное представление об «антском воен. союзе», как о союзе чисто восточно-славянском, и является ли это представление твердо установленным в науке, т. е. историческим фактом? Вопрос естественно напрашивающийся хотя бы потому, что относительно антов Иорнанда и Прокопия существующая *opinio doctorum* далеко не единодушна. Новых же сведений об антах-славянах, а тем более об «антском воен. союзе», кроме ранее известных, в научный оборот не поступало. Скучность же и недостаточная неопределенность уже имевшихся известий не позволяли до сих пор исторической науке сделать окончательных выводов как о тождестве восточных славян с антами, так равно об «антском воен. союзе», как организации восточных славян. Более других поработал в пользу такого тождества проф. М. Грушевский, но и он, выдвигая свою гипотезу, считал ее только «весьма правдоподобной» («Исторія України-Русі». Т. I. Львів). В устах солидного эрудита выражение характерно. Напомним кстати, что он же не находит «у антов никакой политической concentra-

цию, обнаруживается же «сплошная политическая аморфность и отсутствие сильной воли». Относительно же существования «антского воен. союза», которому Д. М. Одинец уделяет такое исключительное внимание в смысле его значения, то у Грушевского читаем: «Сами по себе походы одних лишь Антов — самостоятельные их нападения на Византию — не особенно вероятны. Скорее Анты бывали участниками чужих походов: особенно Болгары, отправляясь из азовских степей на Византию, могли захватывать с собою по дороге дружины Антов для участия вольного и невольного». Наконец, наличие антских отрядов на византийской службе в Италии, как равно Болгар и Словен, по Грушевскому, вовсе «не свидетельствует о союзных отношениях Антов к Византии, а доказывает только отсутствие всякой государственной организации у всех этих племен». (М. Грушевский. «Киевская Русь», СПб., стр. 463, 212, 214). Существоющей *opinio dignissima* по вопросу об антах-славянах в книге Д. М. Одиноца не уделено должного внимания: осторожное мнение известного слависта Нидерле приведено в примечании, как равно отрицательные взгляды академиков А. Куника, А. И. Соболевского и А. А. Спачина. Очевидно, вопрос еще далек от разрешения, а между тем автором сообщается ему определенность исторического факта при обосновании центральной проблемы. Еще менее обоснований можно найти для существования «аянского военного союза» в том виде, какой представляется автору, а между тем автор считает возможным провести аналогию между этим союзом и скифской державой, хотя раньше (стр. 65) утверждал: «антская военная держава скорей всего напоминает собой те союзы, которые представляли из себя в середине IV в. Франки, Бур-

гунды, Алеманы, Вандалы и Готы». Не знаю насколько успешно может быть проведена аналогия «антской воен. державы» с этими двумя равнотворными явлениями. Те черты, какими М. И. Ростовцев рисует центр скифской державы, есть прежде всего характерная особенность именно кочевнического мира и кочевнической государственности. Она одинаково свойственна как скифам, так затем сарматам-аланам, гунам и т. д. На эту особенность неоднократно указывала незабвенной памяти Н. П. Кондаков, она же нашла и прочное место в его курсе изданном чешской академией наук и искусств (Н. П. Кондаков. Очерки и заметки по истории средневекового искусства и культуры. Прага 1929; см. I гл. Древности восточных кочевников и Южн. Росии, — быт, государственность у кочевников. Стр. 6-17). Если подобная аналогия допустима, тогда придется думать о таком влиянии общественного быта и форм соседнего кочевого мира на славян-антов, что и само образование и существование «антской воен. державы» будет обязано не славянской, а кочевнической стихии.

Н. Р.

Генерал Спиридович. «Распутин».

Распутин не столько личность, сколько среда, — вот первый общий вывод, который напрашивается при чтении этого труда ген. Спиридовича, вводящего нас в самую гущу того рокового десятилетия нашей истории, которое завершилось революцией и в первую очередь перед ней ответственно. Распутин, как личность, настолько заслоняется средой, что когда прогремели выстрелы, убиравшие его, то ничто в сущности не изменилось: убийство Распутина не только горизонта не расчистило, но, как замечает автор, оказалось «первым выстрелом революции».